

У котов есть такое свойство: стоит им появиться в доме, как оказывается, что они были здесь всегда — даже если час назад никаких котов у вас не было. Они живут в собственном временном потоке и ведут себя так, будто мир людей — это всего лишь остановка на пути к чему-то гораздо более интересному.

Терри Пратчетт

Глава 1

После обеда начался самум¹, который всё ещё длился. Такое часто бывало в этой местности. Сильный шквальный ветер нёс тучи песка, полностью скрывая вид на пустыню. Немногочисленные местные жители из obsługi называли его поэтично — «Кровавый вал». И я соглашалась с ними. Потрясающая воображение волна красного песка, которая захлёстывала защитный купол целиком, выглядела именно валом. Кроваво-красный поток обхватывал, практически обволакивал, невидимую тонкую стену, оберегающую нас от его смертельных объятий. Песчинки не попадали внутрь, обтекая купол по бокам и сверху, но в те дни, когда бесчинствовал самум, в нашем оазисе становилось темно. Даже безжалостное солнце пустыни не могло пробить своими обжигающими лучами эту плотную завесу.

В такие дни, как сегодня, я обычно оставалась в помещении. Но при ясной погоде всегда уходила на окраину оазиса, чтобы смотреть на вид, открывающийся за его пределами. Ведь бездумное любование уходящими за горизонт барханами было единственным развлечением в бесконечной череде

¹ Самум — сухой, знойный ветер в пустынях, налетающий шквалом и образующий песчаные вихри. — *Здесь и далее примечания автора.*

одинаковых дней. Не то чтобы мне нравилось рассматривать пустыню, ведь, в сущности, на что там любоваться? Песок, песок, песок... То ли дело зелёный оазис, в котором мы жили. Небольшой, но довольно уютный, с пальмами и маленьким ключом, бившим в выложенной камнями чаше. Да, это был единственный островок жизни на многие километры вокруг, но... Это была клетка. Небольшая клетка для всех нас, волей судьбы имевших подходящую для пленения внешность. То место, откуда мы не могли выбраться на свободу.

Свобода... Я часто думала над этим словом. Оно манило чем-то неведомым, сладко ощущалось на языке. Казалось, если я сумею вырваться отсюда, то непременно обрету в жизни нечто важное. Смогу заняться чем-то ещё, кроме ожидания неизбежного, опостылевших прогулок по замкнутому пространству внутри купола, обязательных для девушек занятий эротическими танцами и уроков, на которых обучали красиво и чувственно раздеваться. Если стану вольной, то мне удастся увидеть новых существ, познакомиться с ними и узнать... Сложно сказать, что именно я хотела узнать. Всё! Только это всеобъемлющее слово могло описать ту жажду, которую я испытывала. Я хотела всего! Именно этого может желать тот, у кого нет ничего. Вообще ничего, кроме собственного тела. Нет даже понимания — кто он? Откуда? Были ли у него семья и родители? Или же он один из клонов? Тех, которые выходили из капсул-инкубаторов уже взрослыми, с заложенными в мозги сознанием и некоторой базой знаний.

Про клонов я узнала случайно от одной из шираки. Эта старая женщина дорожила работой в оазисе и выполняла свои обязанности старательно, в отличие от трёх её молодых товарок. Те надеялись со временем переехать в какое-нибудь из крупных поселений и воспринимали пребывание здесь как временное. А потому... Да и к нам они относились презрительно, в отличие от жалевшей нас Машшáлы. Прочие служанки вели себя с нами как с товаром. Ведь именно

им мы и были. Товар! Все мы являлись рабынями. Красивыми, молодыми, лишившимися всего рабынями, ожидающими, когда нас выставят на торги. И я была одной из них. Впрочем, какими бы бесправными ни чувствовали себя девушки, к шираки они относились с неменьшим снисходительным презрением. Боялись и ненавидели только хозяина.

— Элишше, — прошелестел голос за моей спиной. — Ты опять шмотришь на пуштыню? Ничего ведь не видно. Кровавый вал хорошо прячет то, что желает скрыть от любопытных глаз.

— Привет, Машшала, — улыбнулась я старой служанке и пожала плечами. — Смотрю, пусть и не на что. Решила сегодня сделать исключение и прогуляться, хотя действительно ничего не видно. А чем ещё заниматься?

— Пошиди ш девушками. Шкоро ведь рашштанетешь. Что глаза портить, глядя на то, что приношшит шамум? — говорила она, как и все шираки, смешно шепелявя и не выговаривая букву «с».

— Скучно, Машшала. Ну о чём нам говорить? Целыми днями мозолим друг другу глаза. Девушки нервничают и из-за этого срываются на ссоры. Считаю, что я сбежала от них.

— Ничего, милая. Шкоро уже Большие торги, и ты тоже уедешь отсюда, — погладила она меня по руке и оглянулась проверить, не заметил ли кто её вольности.

Прислуге было запрещено тесно сходитья с рабынями, но Машшала нарушала этот закон в отношении меня. И я с симпатией воспринимала странное, такое непохожее на меня существо, ценя доброту. Когда она делала уборку в моей комнатке и мы оказывались наедине, я с удовольствием с ней общалась.

— Вот это-то и пугает. Не знаю, как сложится моя дальнейшая жизнь. Что там, за стенами купола? Кто меня купит? — сказала я.

— Ты крашшая по гуманоидным меркам, Элишше. К тому же ты — редкий цвет. Тебя шможет купить только очень

обеспеченный мушщина. А значит, жить ты будешь в бо-
гаштве и неге. Хорошая еда, крашивая одежда, мушщина
рядом. Тот, который не пожалеет за тебя целое шоштояние.
Чего ещё желать девушке?

— Чего ещё желать? — Я тоскливо посмотрела в сторону
пустыни. Сейчас, во время самума, ничего видно не было,
но я знала, что где-то там, где заканчивалась власть смерто-
носного ветра, шла другая жизнь. Та, в которой я могла бы
быть свободной. — Уж точно не рабства, Машшала. Хотела
бы знать, кто я, откуда и что могла бы иметь, если бы не
оказалась в руках Патагёша.

— Шмиришь, Элишше. Что ты рвёшь себе душу? Радуй-
ша тому, что ты такой редкий цвет. И я тебе уже говори-
ла, ты, шкорее вшего, клон. Только они ничего не знают
о швоём прошлом. У них его нет. Но при этом им вводят
почти полную базу знаний об окружающем мире. Как раз
твой шлучай. Ты знаешь практически всё, кроме швоего
прошлого.

— Ну да, — хмыкнула я. — Спасибо, Машшала. Ты хоро-
шая! Только не могу я радоваться тому, что я — клон ред-
кого цвета. — Меня передёрнуло от отвращения к самой
себе.

Мы с ней уже не впервые пытались понять, кто я и от-
куда. Я ведь ничего не знала и не помнила о себе и о сво-
ей жизни до того момента, когда однажды проснулась
в оазисе.

В одно далеко не прекрасное утро, месяц назад, я откры-
ла глаза и обнаружила себя на узкой лежанке, сложенной из
глины и застланной тонким матрасом. Не хочу вспоминать
свои первые шок, панику, непонимание того, где я и как тут
очутилась. Ту истерику, которая накатила, когда поняла, что
не помню даже своего имени. То, как перепугалась, увидев
вошедшее в мою комнату существо, покрытое чешуёй и на-
зававшее меня «Элишше». Ощутила тогда, что это имя явно

не моё. Не могло такого быть, чтобы меня звали — так! Не хотелось вспоминать мои первые часы и дни в этом месте. Ужас от осознания того, что я чья-то собственность... Это потом я смирилась и приняла реальность. А тогда, в первый момент, было страшно обнаружить, что непонятно отчего я оказалась в крошечной комнатушке со скудной обстановкой — лежанка, тумбочка и стул. Больше ничего...

Как обнаружилось, наш хозяин не считал нужным тратить на то, чтобы хорошо обставлять спальни для рабынь. Уединиться можно, и хватит. Он и отдельные помещения нам не выделял бы, но тут уж сыграла свою роль его жадность. Девушки порой выясняли между собой отношения не самым миролюбивым способом. Доходило до жестоких потасовок. Учитывая же, что все они были разных рас, а некоторые обладали способностями к частичной трансформации...

Хозяин не хотел, чтобы его товар портился. Сам он наказывал провинившихся жёстко, болезненно, но без последствий для здоровья и внешности: несколько ударов энергетическим хлыстом, несколько дней в карцере — сухом и жарком, в крошечной темноте. Но в еде и воде не ограничивал, ведь ему нужно было продать нас с максимальной выгодой, так что питались мы нормально, дабы сохранить товарный вид. За этим строго следили, и отказываться от еды было чревато. И хотя кормили совсем простой пищей, без малейшего разнообразия, но испорченных продуктов нам не давали.

Я тоже один раз побывала в карцере и оценила его прелесть. А также на своей шкуре испытала всю гамму ощущений от ударов энергетическим хлыстом. До сих пор вздрагивала при воспоминании об этом. Нет, я ни с кем из других рабынь не дралась и не ссорилась. Инстинкт самосохранения предостерегал от подобного. Но поначалу пыталась бастовать и требовать, чтобы меня освободили, объявила голодовку. Ну что сказать? Патагеш не первый год

торговал гаремными рабынями и хорошо умел усмирять норовистых девиц любых рас.

Возвращаясь к моим умениям... Я ничего не могла. Судя по всему, была я человеком, причём чистокровным, учитывая цвет волос. Только люди не имели никаких способностей к физическим трансформациям и не обладали сильными экстрасенсорными способностями (если у кого и имелись, то сравнительно слабенькие). У меня же каких-либо способностей не было вообще, ни сильных, ни слабых. Патагеш проверял... Но Машшала уверяла, что я не могла быть свободной до того, как стала собственностью торговца. Планета, которую населяли чистокровные люди, располагалась далеко отсюда, на самом краю галактики, и не входила в Объединённый Союз. Соответственно, она относилась к тем, с которых запрещалось вывозить жителей. Нечего им было делать в развитых мирах, не доросли. Выхода в дальний космос население той планеты не имело, так что украсть меня с какого-нибудь транспланетного лайнера космические пираты также не могли. А организовать подпольные поставки рабынь из подобного отдалённого мира? Да с учётом запрета на вывоз населения? Нет, Патагеш не смог бы выстроить столь сложный бизнес. Ну и кроме того... Он, конечно, был самым известным и богатым торговцем радугой (по словам Машшалы) и не упустил бы возможности получать товар в виде девушек подходящих цветов. Но этот нелепый, толстый, ящероподобный самец-шираки, любитель плотно покушать, буквально нюхом чувствовал опасность.

Неужели я действительно клон? Если принять эту жуткую мысль как факт, то... Интересно, кто та девушка, внешность и тело которой я получила? На вид мне лет семнадцать-восемнадцать. Но по внутренним ощущениям — гораздо больше, и это тоже вносило диссонанс в восприятие себя как личности. Юное симпатичное лицо с веснушками, рассыпавшимися на носу, большие ярко-голубые глаза,

ниспадающие ниже талии огненно-рыжие кудри густых пушистых волос, более тёмные, почти коричневые брови и ресницы, стройная фигура... Именно таким богатством я обладала. Точнее, обладал им Патагеш, мой хозяин.

Не сразу мне удалось выяснить, при чём тут радуга, гаремы... Всё оказалось просто до банального. Семь цветов радуги — и девушки с волосами одного из этих семи оттенков. Остальное тоже элементарно. Богатые мужчины хотели иметь гаремы. Не важно, какой ценой. Когда затраты останавливали материально обеспеченных и обладающих властью мужчин? Так вот. Самым шиком считался гарем, отличающийся не количеством девушек, а их качеством. Не каждый мог позволить себе иметь полную радугу. Семь столь разных внешне девушек...

А я была оранжевым цветом, являясь обладательницей невероятно редкого рыжего цвета волос. Ген, отвечающий за этот оттенок, встречался только у чистокровных людей. В Объединённом Союзе их почти не осталось, и даже на той далёкой планете, где проживали только люди и названия которой Машшала не знала, сложно было найти настоящему рыжую девушку. В Союзе же слишком часто заключались межрасовые браки, в которых дети крайне редко наследовали гены родителя-человека, а уж рецессивный рыжий ген у рождённых в таких семьях людей не проявлялся вообще. Из чего опять следовал вывод, что я — клон.

Патагеш собирался продать меня с максимальной выгодой, только поэтому я провела в оазисе, на его тайной базе, почти месяц. Продавец радуги ждал Больших торгов, проходящих раз в полгода. Туда должны были съехаться самые богатые существа со всего Объединённого Союза, в том числе короли теневого и подпольного мира, политики, обладающие такой властью, что не боялись ничего и никого. И именно по этой причине хозяин особенно берёт моё тело. За мной строго следили и не допускали, чтобы в ссоре с другими рабынями мне нанесли хотя бы царапину.

Я отвлеклась от размышлений о своей судьбе и, приобняв шираки, погладила её по плечу. Служанки носили некое подобие сарафанов с открытыми плечами, спиной и руками, так как им не было нужды прятать кожу от обжигающих солнечных лучей. Ладонка скользнула по чешуе, и та чуть оцарапала меня. Похоже, у Машшалы скоро начнётся линька, так как несколько чешуек прилипли к моей коже.

А когда я отодвинулась от неё, увидела, что она часто моргает. Как и у всех представителей расы шираки, напоминающих человекообразных ящериц (ну или ящерообразных людей, это уж как посмотреть), у неё были плотные кожистые веки без ресниц. Когда я впервые увидела служанку шираки, проснувшись в своей комнате, — заорала от испуга. Потом привыкла и перестала бояться. Наоборот, с интересом наблюдала за плавными текучими движениями, за пластичной грацией этих юрких сухощавых существ. Совсем иные, чем я или другие рабыни, они пугали меня только поначалу. Полностью покрытая мелкой серо-зеленой чешуёй кожа, большие глаза навывкате — без радужки и с узкими вытянутыми зрачками, маленький, почти приплюснутый нос. На головах у представителей этой расы отсутствовали волосы. Вместо них возвышался ярко выраженный венец гребня, который с затылка уходил на спину и тянулся по позвоночнику до поясницы. Машшала рассказывала, что раньше у шираки были хвосты, но в процессе эволюции эта рудиментарная часть тела исчезла. Разговаривали они своеобразно. Их речевой аппарат почему-то не позволял им выговаривать букву «с», и они меняли её на «ш». Раньше шираки говорили на своём родном языке, а он изобиловал шипящими звуками. Позднее, когда вступили в Объединённый Союз, перешли на всеобщий, но так и не смогли избавиться от акцента.

Шираки являлись коренными жителями этой отсталой, по словам служанки, планеты Шандира. Впрочем, это было понятно. Большие части обоих материков занимали пу-

стыни. Откуда тут взяться развитой цивилизации? Я была в курсе этих сведений. Знала и про отсталость мира, и про то, что тут почти одни пустыни, и про ту расу, которая здесь обитала. И про то, что тут добывали редкие драгоценные камни и минералы. В небольшом количестве, но достаточно, чтобы этот неразвитый мирок приняли в Объединённый Союз. Откуда знала? Понятия не имела. Вероятно, я узнала всё раньше, до потери памяти, если она у меня была, или же мне вложили эти сведения в голову. Нет, никакими подробностями я не владела, так, общее представление, но тем не менее.

— Иди к девушкам. — Машшала легонько подтолкнула меня в сторону жилого помещения. — Патагеш рашшердитша, ешли узнает, что ты опять шмотрела за купол. Ещё подумает, что ты хочешь шбежать.

— Да куда мне бежать? Я и дня не проживу в вашей пустыне. А к кабине телепортации меня близко не подпустят, — вздохнула я.

— Не надо тебе к кабине! — всполошилась служанка. — Что ты! Что ты! Иди! Пошлезавтра утром чашть девушек увезут. Хозяин шегодня вечером прибудет. Пообщайтеш напошледок, попрощайтеш. Да и ужин шкоро.

Кивнув Машшале, я пошла обратно к жилой постройке. Сложена она была из обожжённой на солнце глины, и, разумеется, ни о какой архитектурной красоте речь не велась. Одноэтажная, приземистая, с узкими дверями и окнами. Изнутри стены были побелены, а пол, хотя тоже глиняный, был ровный и плотный. Направилась я сразу в просторную комнату, в которой мы все проводили время днём. Скучно ведь. А там хоть как-то пообщаться можно, пусть и не всегда находился общий язык для разговоров. Но последняя партия девушек, которую привезли на днях, оказалась на удивление миролюбивой, и ссор практически не происходило. Всего сейчас нас здесь находилось шестеро.

Три красноволосые ританки — Триána, Тонсáра и Талина. Импульсивные, вспыльчивые, но отходчивые, девушки в целом мне нравились. Ссорились они, как правило, только между собой, потому что Патагеш пообещал их жестоко наказать, если подруги при потасовке кого-нибудь поцарапают. Девчонки и сейчас лениво препирались.

Внешне жители планеты Ритáния выглядели как типичные гуманоиды. Но обладали способностью выпускать острые, как кинжалы, когти на руках и могли располосовать ими мягкую плоть до костей. Ещё небольшое отличие — в форме черепов. У ританов они несколько более вытянутые на затылке. И ещё все как один жители Ритании, вне зависимости от пола, обладали огненно-красной копной жёстких прямых волос и такой же красной радужкой глаз.

Алилéя — томная, расслабленная валтáрка с голубыми волосами — сидела в воде и пила из бокала прозрачный напиток. Ей приходилось особенно тяжело на засушливой жаркой Шандире, да ещё без привычного давления океанской толщи. Специально для неё в комнате стоял большой чан с водой, в котором она и проводила большую часть времени. Родом она была с планеты океанов, где все жители двоякодышащие. По рассказам Алилеи, на Валтамéре был всего один материк. И большая часть населения жила в подводных городах. Валтары имели перепонки между пальцев и обладали способностью при выбросе в кровь определённого гормона практически сращивать ноги между собой в некое подобие рыбьего хвоста. Цвет их волос варьировался от бледно-голубого до насыщенного синего. Так что именно они олицетворяли собой водные цвета радуги.

Зеленоволосая метсáнка Нейрйта, расположившаяся на диване, поглаживала пальчиками цветов в горшке. Жительница Метсáна — планеты, на которой большая часть суши покрыта лесами. Ей тоже приходилось несладко на Шандире, и она нашла утешение в выхаживании этого жалкого полужасохшего цветочка.

Каким уж образом Патагешу удалось заполучить валтарку и метсанку — для меня было загадкой. Они нечасто покидали родные планеты, соответственно, являлись редкостью в гаремах. Но, как говорится, для желающего иметь много денег нет ничего невозможного. Торговец радугой исхитрился выкупать у пиратов девушек из разных миров. Чаще всего космическим корсарам удавалось захватывать ританок. Те вели активный образ жизни и много путешествовали. Вот с одного разбитого туристического перевозчика и попали к Патагешу подружки Триана, Тонсара и Талина.

Я была шестой рабыней в оазисе. И о том, как угодила в рабство, не знала ни-че-го.

— Привет, — поздоровалась я с подругами по несчастью. — Машшала сказала, скоро ужин. Ещё не звали? Я проголодалась, как ни странно.

— Чему ты радуешься? — тут же нашла повод прицепиться ко мне Триана. — Проголодалась... Сколько можно есть эти консервы и бесконечные каши? — Она сердито насупилась.

— Зря ты так. — Я прошла и села рядом с Нейритой на диван. — Нас ведь в целом неплохо кормят. Могло быть и хуже, если бы мы угодили на тяжёлые работы. Я тут уже почти месяц сижу, смирилась и стараюсь находить радость хоть в чём-то. По крайней мере, не дают тухлого мяса и гнилых овощей. Вот попадёте в гарем, там и будете есть разные деликатесы, — сказала и поморщилась. Тоскливо становилось при мыслях о будущем.

Красноволосые подружки переглянулись и синхронно повернулись ко мне.

— То есть ты желаешь сказать, что хочешь в гарем?! — возмутилась Тонсара.

— Разумеется, я этого не хочу, — не поддалась я на провокацию. — Но не вижу способа избежать этой участи.